

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК ИЗ РИМА

22 FEB 1969

МОСКОВСКИЙ КОЛЛЕКТОР

— Через десять минут с вами будет говорить Рим!

Рим — значит, скорее всего Дин Рид, молодой американский певец, не раз гастролировавший в Советском Союзе, один из авторов и исполнителей «Песен протеста», которые призывным набатом звучат сейчас в капиталистических странах.

Дин Рид не ограничился песнями протеста против политики Джонсона: он уехал из США в Аргентину. А потом был вынужден покинуть Аргентину и сейчас живет в Италии.

— Конечно, Дин Рид, — сказала я своей семье, — кто же еще вздумает позвонить из Рима в три часа ночи по московскому времени!

Впрочем, даже для Дина, способного после киносъемки или после концерта исполнить еще десяток песен в дружеском кругу, три часа ночи как-будто поздновато. Мы начинаем гадать — что могло случиться? Может быть, у Патти и Дина уже родился ребенок, которого молодые супруги так ждут? Интересно, мальчик или девочка? Дин хотел сына. С мечтой о сыне он написал одну из лучших своих песен. Она кончается строками о связывающей поколения мужественной борьбе за справедливость:

«...Хочу, чтоб узнал ты, когда
подрастешь,
Как мать и отец ненавидели ложь,
И сыну открыто смотрели в глаза,
Хочу, чтобы это ты знал!»

Пресса разных стран нередко называет Дина Рида — «Топсингер», что в переводе с английского означает «первоклассный певец», «певец высшей марки». Он поет самые различные песни: народные, джазовые, лирические, песни-лозунги, песни-памфлеты.

Может быть, Дин Рид снова занял первое место на каком-либо международном конкурсе и спешит поделиться новостью с московскими друзьями? Один из фильмов с его участием получил в свое время первую премию на кинофестивале Акапулько. А на днях Дин прислал мне письмо, в котором он рассказывает, что начинает сниматься в качестве главного героя в новой кинокартине о второй мировой войне. «Это фильм о партизанской борьбе в Италии. По очень известному роману «Герои не плачут», — писал он.

А может быть, просто чуть заснеженный полуночный Рим, с его старинными фонарями на центральных площадях, напоминающих ночью танцевальные залы, подсажали Дину Риду новую песню? Свою популярную лирическую песню «Любовь», посвященную жене, Дин написал в Риме:

«Наша любовь высока, словно горы.
Наша любовь глубока, словно море.
Наша любовь—жаркий полдень июля.
Наша любовь—вечный жар поцелуя».

Но когда, наконец, итальянская и московская телефонистки поочередно произнесли свое «Говорите, на проводе Москва... Говорите, на проводе Рим», то, что я услышала, оказалось для меня полной неожиданностью:

— Катрина! Патти уже в родильном доме, а меня только что выпустили из тюрьмы. На поруки. Понимаете, была демонстрация. Три тысячи человек, даже больше. Я привел их к американскому посольству. И какие-то идиоты полицейские...

В трубке мелодично звякнуло, и приятный женский голос, приглушенный сотнями километров, участливо объяснил по-английски — возможно потому, что Дин говорил со мной на своем родном языке:

— Извините, по техническим причинам. Сейчас восстановим связь.

Через несколько минут Дин продолжал рассказ: он возглавил массовый «марш мира» против американской агрессии во Вьетнаме и за это вместе с 57 другими демонстрантами был брошен в тюрьму.

Итак, никто из нас не угадал подлинной причины позднего ночного звонка из Рима. И представив себе уже не фиалки и фонтаны Рима, а полицейских, теснящих демонстрантов, и тюремную камеру, я подумала, что не угадали мы подлинной причины скорее всего из-за нашего, иной раз не совсем точного представления о том, как живет известный молодой артист — Дин Рид или кто-либо другой — в той же

Италии, или в Англии, или, допустим, в Канаде, или в США...

Хорошо известная нам улыбка Дина Рида, его жизнерадостность, его готовность понять шутку и ответить себе-седнику шуткой порой как бы заслоняют от нас многое в повседневной жизни артиста. Я снова перечитала его письма. Вот одно — от 14 февраля 1968 года:

«Как обычно, правительство США, если оно не может законным путем заставить замолчать неугодных ему лиц, начинает выискивать различные способы финансового давления на них; так, например, правительство США пытается предъявить таким лицам претензии за «скрытые» каких-то доходов», чтобы иметь возможность упрятать человека в тюрьму, хотя бы на год. Впрочем, я действительно отказывался платить те налоги, которые взимались для продолжения агрессии США во Вьетнаме. И если за свои убеждения я буду брошен в тюрьму — не первый я и не последний. Я готов к этому!».

А вот газетная вырезка, вложенная в другое, гораздо более раннее письмо:

«Случалось ли когда-либо у нас, в Аргентине, или вообще в мире, чтобы вход на городскую площадь был платным? Конечно, нет. Однако именно это произошло 25 марта 1966 года в Сан-Мартине, одном из наиболее населенных городов-спутников Большого Буэнос-Айреса. Вход на площадь Кеннеди здесь был на этот раз платным. Более 2.000 человек приобрели билеты стоимостью в 50 песо каждый. Многие уплатили еще больше. Что же случилось? Оказывается, собранные средства предназначались в равных долях патриотам Вьетнама и пострадавшим от наводнения в Аргентине. Деятели различных политических, профсоюзных и общественных кругов, местный комитет борьбы за мир и американский певец Дин Рид организовали и провели это важное мероприятие... Однако оно чуть было не провалилось. Все началось с неизвестного самолета, вдруг появившегося в голубом небе Сан-Мартина. Люди думали, что это — очередная реклама с воздуха о выпуске в продажу какой-нибудь новой марки холодильников. Но оказалось совсем другое. Из самолета хрипло рвел громкоговоритель, а на землю падали листовки. «Заявляем, что тот, кто явится сегодня в 20 часов на площадь Сан-Мартина, будет рассматриваться как участник коммунистического движения». Одновременно полицейский инспектор приказал разорвать эстраду на площади и заявил, что вечер запрещен. Угрозы не помогли. Площадь заполнилась людская лавина. Оруч рупора полицейских. На людей наведены пушотлеты и пулеметы. Начинается массовая проверка документов. И все-таки никто не покидает площадь. Вечер прошел, хотя начался он с большим опозданием. Выступала Мерседес Соса, мастерица исполняющая народные песни, выступал Дин Рид и другие».

Итак, за знакомой, искренней улыбкой артиста скрываются повседневные будни.

— Вы не знаете, что значит в буржуазном мире быть «кумиром»? — часто говорил своим советским друзьям Дин Рид.

Однажды он рассказал нам о «днях Дина Рида», которые проводились в США и в Аргентине.

В течение такого «дня» артист должен был предстать перед своими согражданами в совершенно неожиданных «ролях»: принять участие в спортивных соревнованиях по верховой езде, по бегу и по гимнастике, возглавить карнавальное шествие и даже совершить прыжок с парашютом!

Дин рассказывал нам:

— Я уже собирался прыгнуть, но инструктор схватил меня за ремень, закричав, что я опоздал на какую-то секунду и самолет уже не над аэродромом, где собирались зрители. А потом, когда я прыгнул, я почувствовал, как от напряжения мое лицо исказилось. А я должен был спускаться с улыбкой, потому что внизу ожидала телевизионная камера и киноаппаратура. В довершение всего, когда я уже спускался, оказалось, что стропы парашюта запутались и я спускаюсь не лицом, а спиной к журналистам и кинооператорам. Тогда я стал из всех сил раскручиваться, стараясь в то же время улыбаться!

...Уже рассветало. Я перелистывала письма Дина Рида — недавние и давнишние, вспоминала встречи с молодым артистом. В то же утро, полोजке, мне принесли длинную телеграмму, в которой Дин Рид сообщал, что у него и Патти родился дочка.

Телеграмма заканчивалась так:

«Надеюсь, мы воспитаем нашу Рамону человеком, который будет жить не только для удовлетворения своих нужд и желаний, но для осуществления лучших идеалов человечества».

Е. ШЕБЕЛЕВА.